

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФРИКАТИВНОГО γ И ФАРИНГАЛЬНОГО h

По произношению g и $\gamma(h)$ славянские языки делятся на три зоны: 1) центральнославянскую, 2) южную и 3) северную. В центральной зоне, к которой относятся южновеликорусское наречие русского языка, белорусский, украинский, словацкий, чешский и верхнелужицкий языки, а также западнословенские говоры, произносится фрикативный γ или фарингальный h . В северной (северновеликорусское наречие, польский, кашубский, полабский и нижнелужицкий языки) и южной (болгарский, македонский, сербохорватский языки и основная часть словенского языка) зонах нормой является взрывной g . Произношение $\gamma(h)$, как правило, — черта очень устойчивая. Взрывной g появляется только в немногих заимствованных. Фрикативный γ свойствен только южновеликорусским говорам, белорусскому языку и западнословенским говорам, на всей остальной территории центральнославянской зоны представлен фарингальный h . Фарингальный h сосуществует с γ в западнословенских говорах, имеется он и в ряде юго-западных говоров белорусского языка (к сожалению, авторы белорусского диалектологического атласа вовсе обошли вопрос о распространении h в Белоруссии).

Линия разграничения g и γ на восточнославянской территории идёт от г. Себежа с запада на восток к пунктам несколько южнее Великих Лук и Торопца, западнее Ржева круто опускается на юго-восток к Медыни Калужской области (не доходя р. Угры), далее тянется на восток между Москвой и течением р. Оки до пунктов западнее Мурома, откуда направляется круто на юго-восток в сторону Волги. Авторы книги «Русская диалектология» практически отождествляют зону распространения γ с территорией южновеликорусского наречия. Если в речи коренного населения южновеликорусских говоров, не освоившего нормы литературного произношения, взрывной g исключается (даже в новых заимствованных словах произносится только γ), то на севере, наоборот, противостоящий ему фрикативный γ возможен в определённых случаях (в некоторых словах, связанных в прошлом с церковно-религиозным обиходом, в сочетаниях γd — γde , *когда* и пр., в междометиях типа *ага*, *уу*, в некоторых словах, передающих крики животных, — *реуочет*, *гумкает* и др.). Наличие γ в указанных категориях слов вполне объяснимо — мы имеем дело с церков-

ным произношением, а также с ослаблением затвора в взрывном *g* в определённых случаях перед взрывными звонкими согласными и между гласными. Впрочем, нужно заметить, что *γ* в указанных группах слов известен далеко не всем северновеликорусским говорам. Многие из этих говоров знают только *g*, которое произносится и в словах типа *господь*, *богатый* и пр. По-видимому, ослаблением затвора взрывного *g* объясняется наличие в немногих (например, онежско-беломорских) говорах фрикативного *γ* в окончаниях родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и особенно местоимений (*доброуо*, *синеуо*, *коуо*, *еуо* и т.п.). Особый интерес представляют немногие северновеликорусские говоры (например, островок говоров южнее Онежского озера), в которых *γ* является нормой. Пока трудно сказать, являются ли такие говоры говорами переселенцев с юга или в них проявилась тенденция изменения *g* в *γ* независимо от южновеликорусского наречия. Скорее, можно предположить первое, если учесть движение некоторых диалектных черт с юго-запада на северо-восток и чрезвычайную устойчивость произношения *γ*, с большим трудом поддающееся воздействию со стороны *g*.

О происхождении *γ(h)* и времени его появления написано много работ. Л. Новак в своё время выдвинул гипотезу, согласно которой *γ* будто бы возник после IV в. н.э. как «структуральное проявление монголизации праславянского языка». Фрикативный *γ* стал характерной особенностью всего праславянского языка, который после его распада в одних диалектах сохранился, а в других был заменён *g*.⁴¹² Гипотеза об общеславянском *γ* и позднем возникновении *g* была высказана С. Буличем ещё в конце прошлого века.⁴¹³ Подобная точка зрения на происхождение *γ* дружно отвергается всеми славистами как необоснованная. Первичность общеславянского *g* и вторичность *γ* считается доказанной и не подлежащей сомнению. Возникновение *γ* из *g* объясняется фонологическими и физиологическими причинами. В общеславянском языке спирант *ch* не имел себе звонкого соответствия: существовало соотношение *k—ch*. Позже в ряде диалектов произошло перераспределение фонем: *g—ch*. Физиологически это означало утрату затвора в фонеме *g* — взрывной согласный превратился в фрикативный, а в дальнейшем в ряде языков — в фарингальный (*g > γ > h*). Будем считать, что эта исходная позиция является верной. Однако когда имело место изменение *g* в *h*? На этот вопрос в лингвистической литературе нет однозначного ответа. Существуют две основные гипотезы: 1) фрикативный *γ* возник

⁴¹² L. Novák. Neznáme nemecké vplyvy na zapadoslovanský, východoslovanský a maďarský konsonantismus. *Linguistica slovacca*, 1939—1940, 1—2, стр. 109 и след.

⁴¹³ S. Bulitch. *Slavische Miscellen. Indogermanische Forschungen*. Strassburg, 1895, 5, стр. 389—396.

рано, ещё в эпоху общеславянского языка; 2) этот согласный развился из *g* сравнительно поздно, после распада общеславянского языка на самостоятельные языки, причём в каждом отдельном славянском языке процесс изменения *g* в *ɣ* протекал независимо друг от друга.

А. А. Шахматов, ссылаясь на широкое распространение *ɣ* в современных славянских языках, высказал предположение, что *ɣ* возникло в диалектах общеславянского языка на позднем этапе общеславянской эпохи. Ссылаясь на Ф. Ф. Фортунатова, он также считал, что *ɣ* могло развиться в некоторых словах из протетического *h* (перед *o* в абсолютном начале слова, перед местоименным корнем *e*, между гласными в сочетаниях *o*, *eo*, *öo*). Это *ɣ* в диалектах, сохранивших взрывной *g*, обычно затем заменялось этим *g*.⁴¹⁴ Н. С. Трубецкой также высказался за общеславянское происхождение *ɣ*. По его мнению, изменение велярного *g* в спондический *ɣ* произошло в тех общеславянских диалектах, в которых имело место изменение *g'* в *dž* > *ž*, кроме говоров, в которых совпали *c* и *č* и *χ* проявило тенденцию к исчезновению. В этих диалектах образовались два трёхчленных ряда: *č—š—ž* и *c—s—z*. Этой системе уже не мог соответствовать трёхчленный ряд *k—χ—g*, в котором третьим членом был велярный *g*, — он был заменён *ɣ*. Таким образом, сложились три трёхчленных ряда: *č—š—ž*, *c—s—z* и *k—χ—ɣ* (<**g*).⁴¹⁵ Нужно сказать, что фонологическая схема Н.С. Трубецкого никак не объясняет отсутствие *ɣ* в южнославянских языках и в тех говорах русского языка и лехитской языковой группы, в которых имеются оба первых ряда и нет совпадения *c* и *č*. Следовательно, гипотеза Н.С. Трубецкого не может быть принята. Ранее Н.С. Трубецкой, присоединяясь к гипотезе А.А. Шахматова, приводил в её пользу конкретно-исторические факты. Он, например, указывал, что в древнечешском языке *g*, возникший из *k* после падения редуцированных, уже не подвергся изменению *ɣ* > *g*: ср. чешск. *kde*, *kdy* (произносятся *gde*, *gdy*) из *kъd-*, тогда как чешск. *tehdy* — из *tъ-ɣъd-*. Следовательно, возникновение *ɣ* древнее падения редуцированных в древнечешском языке, древнее дошедших до нас богемских письменных памятников. Вполне вероятно прямая связь в образовании *ɣ* между диалектами, из которых сложились чешский, верхнелужицкий, украинский и другие языки. Центральнославянское *ɣ* возникло в то же время, когда в южнославянских и других языках произошло упрощение групп *tl*, *dl* в *l*. Те словенские диалекты, в которых имеется *g* > *ɣ* > *h* и одновременно сохраняются *tl*, *dl*, в древнюю эпоху были ближе к центральнославян-

⁴¹⁴ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 33 и след.

⁴¹⁵ N. S. Trubetzkoy. Zur Entwicklung der Gutturale in slavischen Sprache. Сб. в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933, стр. 267 и след.

ским, чем к южнославянским диалектам.⁴¹⁶ К хронологии $g > \gamma$, предложенной А.А. Шахматовым, присоединились Р.О. Якобсон⁴¹⁷ и ряд других учёных. Фонологическую гипотезу, близкую к схеме Н.С. Трубецкого, высказал А. Вайян, который считает γ продуктом системы чередования. Отношения $\gamma : \check{z}$ точно такое же, как $\chi : \check{s}$. Вследствие этого в чешском языке, например, старое отношение **blagy : blažiti* было заменено отношением *blahý : blažiti*.⁴¹⁸

В отличие от А.А. Шахматова Р.И. Аванесов полагает, что восточнославянское γ в своём происхождении не зависело от чешско-словацкого h . Однако γ возникло на восточнославянской почве рано, задолго до падения редуцированных. В украинском языке в конце слова возможно произношение оглушённого x , а это x , которое появилось после падения редуцированных, соответствует не h , а γ . Современные украинские говоры сохранили различные ступени перехода γ в h . Следовательно, было время, когда на восточнославянской территории имела единая диалектная зона распространения γ . В основном эта зона соответствует «Русской земле» конца XI—начала XII в. с некоторым расширением её на северо-восток по течению р. Оки от Коломны до Старой Рязани и дальше и с включением южных областей Белоруссии. Киевское, Переяславское и Черниговское княжества были первоначальной территорией γ . В северо-восточной Белоруссии γ появляется позже. Само γ возникло до сложения «Русской земли», в эпоху, предшествующую XI—XII вв. Что касается h , то этот согласный появился поздно, когда формировался украинский язык.⁴¹⁹

Большинство современных славистов стоит за то, что γ возникло из g поздно, в каждом славянском языке независимо от других языков. Мысль о позднем происхождении γ (в историческое время развития славянских языков) высказал Я. Гебауэр.⁴²⁰ Для хронологизации γ И. Иречек⁴²¹ и Ф. Бергман⁴²² обратились к анализу языковых особенностей древнечешских дипломатических источников. А. Мазон для тех же целей исследовал чешско-еврейские глоссы,⁴²³ а Е. Шварц — чешско-немецкие.⁴²⁴ С критикой

⁴¹⁶ N. Trubetzkoy. Einiges über die russische Lautentwicklung... , стр. 292.

⁴¹⁷ См.: R. Jakobson, F. Trávníček. Příspěvky k nauce o českém přízvuku. Slavia, 1925—1926, IV, 4, стр. 812—814.

⁴¹⁸ A. Vaillant. Grammaire compare des langues slaves, t. I, § 11.

⁴¹⁹ Р.И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка, стр. 44 и след.

⁴²⁰ J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, I. Praha, 1894, стр. 456 и след.

⁴²¹ J. Jireček. Alter des czechischen h für g . JA, II, 1877, стр. 333—336.

⁴²² F. Bergmann. K chronologii některých staročeských zjevů mluvnických. Listy filologické, XLVIII, 1921, стр. 237.

⁴²³ A. Mazon. Le passage de g à h après quelques gloses judéo-thèques. Revue des Études slaves, VII, 1927, стр. 261 и след.

⁴²⁴ E. Schwarz. Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. Prag, 1931, стр. 295—314.

схемы Н.С. Трубецкого выступил Ф. Травничек.⁴²⁵ Ф. Травничек считает, что эта схема противоречит реальным историческим фактам: 1) фонема γ акустически близка к h ; если бы γ в чешском был унаследован из общеславянского языка, то в латинской графике древнечешской письменности он передавался бы буквой h , а на самом деле в ранних древнечешских памятниках употребляется только буква g ; 2) древнечешские местные названия в немецком и латинском языках усвоены с g , а не с h (нем. *Prag*, лат. *Praga*, нем. *Iglau*, *Gödning* и т.д.); 3) в заимствованных в чешский язык словах имеется два слоя: с h и k — *pohan* < лат. *paganus*, *hrabě* < нем. *Gravio* и т.д. и *Markéta* < *Margarette* и т.п.; в последнем случае действовала субституция, когда g в чешском языке уже не было. Если бы g не было в более древнюю эпоху, то и в первой группе слов тоже была бы субституция, чего на самом деле нет. Ф. Травничек считает, что изменение g в γ в древнечешском языке произошло во второй половине XII—первой половине XIII в., не раньше. Х. Бартек ещё до исследования Ф. Травничка счёл возможным высказаться ещё более определённо: $g > \gamma$ в древнесловацком языке произошло в первой трети XIII в. (первый достоверный случай — написание *hrad* в документе 1206 г.).⁴²⁶

Детально обсуждается каждое отдельное написание в древнечешских памятниках. Например, Я. Станислав указал на грамоту 1138 г., в которой имеется *Bahaan* (<**Boyan*), *Behi*, *Behu* (=**Beγ*-) и аналогичные написания, из чего он сделал вывод, что g изменился в γ во второй четверти XII в.⁴²⁷ Р. Крайчович спешит поправить, подчёркивая, что грамота 1138 г. сохранилась не в оригинале, а в списках 1329 г., поэтому такая датировка сомнительна. Сам Р. Крайчович, пользуясь фонологическими методами противопоставления и нейтрализации, полагает, что $g > \gamma$ в древнечешском языке произошло на грани XI и XII вв., а в верхнелужицком языке — на грани XII и XIII вв.⁴²⁸ На позднем происхождении изменения g в γ в западославянских языках настаивают Е. Деко,⁴²⁹ З. Штибер,⁴³⁰ С. Роспонд⁴³¹ и другие учёные.

⁴²⁵ F. Trávníček. Historická mluvnice československá. Praha, 1935, стр. 122 и след.

⁴²⁶ H. Bartek. Le passage de g à h en slovaque. Revue des Études slaves, tome 11, fasc. 1 et 2. Paris, 1931, стр. 41—49.

⁴²⁷ J. Stanislav. K chronologii zmeny $g > \gamma > h$ v slovenčine. Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi. Brno, 1948, стр. 368—376.

⁴²⁸ R. Krajčovič. Zmena $g > \gamma > (h)$ v západoslovanskej skupine. Slavia, XXVI, 3. Praha, 1957, стр. 341 и след.

⁴²⁹ E. Decaux. Le passage de g à h et le groupe zg . Revue des Études slaves, 1957.

⁴³⁰ T. Lehr-Splawiński, Z. Stieber, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka czeskiego, I. Warszawa, 1957, § 114.

⁴³¹ S. Rospond. Spirantyzacja $g > h$ w języku staroczeskim. Studia linguistica in honorem Thaddej Lehr-Splawiński, 1963 (место издания не обозначено), стр. 489—498.

И всё же убедительность доводов сторонников гипотезы позднего происхождения γ относительна. В сущности, неизвестно, какие звуки передавали буквы g и h в древнечешской и древнесловацкой письменности. Степень ослабления затвора в согласном g бывает различной. Изменение g в γ произошло не сразу, а прошло через ряд ступеней ослабления затвора. То же можно сказать и о процессе $\gamma > h$. Р. И. Аванесов правильно указывает (как было сказано выше) на то, что в современных украинских говорах сохраняются следы перехода от γ к h . Между g с ослабленным затвором (g^h) и h несомненно имеется большая акустическая разница. Это g^h вполне могло субституироваться соседями центральнославянской зоны через g и на письме передаваться буквой g . Не следует также уменьшать различие между γ и h . Акустическая нетождественность их воспринимается достаточно чётко. Южновеликорусское *γора* и украинское *hora* вряд ли можно спутать. Исследователи, поставившие перед собой задачу проследить, как передаётся неславянами согласный h , пока что не имеют данных, как передаётся γ . То, что в древнечешском и древнесловацком языках h появляется не раньше XII—XIII вв., можно считать доказанным, а вот происхождение γ и тем более g^h ранее этого времени никак не исключается.

С точки зрения позднего происхождения γ остаётся необъяснённым своеобразие географического расположения этого согласного и его производного h . Почему γ и h занимают компактную географическую зону (перерывы этой зоны в виде отдельных островков словенских диалектов и верхнелужицкого языка вполне объяснимы)? Если бы γ возник независимо в каждом языке, то его распространение могло быть совершенно некомпактным. Во всяком случае, случайность географического единства зоны γ и h остаётся недоказанной, поэтому соображения на этот счёт А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого, Т. Лер-Сплавинского⁴³² и других не могут быть отвергнуты без специальной аргументации (которой пока нет).

С гипотезой о древнем происхождении γ недавно выступил наш видный иранист В. И. Абаев.⁴³³ В. И. Абаев указывает, что судьбе g в славянских языках имеется полная аналогия в иранских языках. В древнеиранском индоевропейские $*g$ и $*gh$ совпали в $*g$. Позже в восточной ветви иранских языков (скифские и сарматские диалекты, хорезмийский, согдийский, афганский и памирские языки) g изменился в γ . В дигорском диалекте осетинского языка всякий g произносится как γ , в иронском диалекте начальный g звучит как g , но это явление позднее ($\gamma > g$). Процесс изменения g в γ в восточнославянских языках начался ещё до нашей

⁴³² T. Lehr-Splawinski. O dialektach prasłowiańskich. Studia i szkice wybrane. Warszawa, 1957, стр. 213—214.

⁴³³ В. И. Абаев. 1) О происхождении фонемы γ (h) в славянском. В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, стр. 115—121; 2) Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

эры. Для скифо-сарматских племён γ может считаться исконным согласным. Как известно, скифо-сарматские племена в течение ряда столетий занимали степные и лесостепные области южной России и несомненно имели длительный контакт со славянами. Ареал восточнославянского γ (h) почти полностью совпадает с иранской топонимикой и материальной культурой. Нужно также учитывать, что в VIII—IX вв. в Придонуе существовала аланская салтово-маяцкая культура. Предки восточных славян восприняли у иранцев фрикативный γ . Что касается предков чехов и словаков, то они в древнейшие времена могли жить гораздо восточнее. Кроме того, сигинны Геродота локализуются в Чехословакии, а они были мидийцами, т.е. иранцами. Фонетические изоглоссы, как считает В. И. Абаев, очень стойко держатся на определённой территории, в то время как этнический состав населения этой территории может неоднократно измениться. Примеры тому — церебральные согласные в Индии и смежных областях Ирана, смычно-гортанные согласные на Кавказе. Итак, «фонема γ в славянском есть вклад скифо-сарматской речи, которой искони была присуща эта фонема».⁴³⁴

Гипотеза В. И. Абаева уязвима. Иранцы занимали южную часть России во второй половине I тысячелетия до н. э. и в начале н. э. Позже широкий контакт славян с иранцами был прерван волнами тюркоязычных и иных кочевников. Во второй половине I тысячелетия до н. э. славянские племена говорили на одном языке, о диалектном членении которого мы пока ничего не знаем (известные или предполагаемые диалектные явления общеславянского языка относятся к более позднему времени). Важные фонетические и фонологические изменения в это время охватывали всю славянскую языковую область. Территория всех славянских племён была относительно небольшой (по нашим предположениям, это теперешняя северная Украина и южная Белоруссия, по мнению польских учёных — области между Вислой и Одрой). Современные языки и вообще этнические группировки славян — явление позднее. Славянское население на протяжении тысячелетий неоднократно передвигалось и перемешивалось. Если славянское γ является наследием иранского γ , остаётся непонятным, почему это γ не стало общеславянским явлением. Славяне восточнее Днепра, в Подонье и Поочье — выходцы из правобережных областей, причём заселяли эти земли тогда, когда иранцев в этих местах уже не было. Надо было бы доказать, что в речи бесконечно сменявших друг друга разноразличных племён южной России фрикативный γ передавался как бы по эстафете и таким образом сохранил свою древнейшую изоглоссу. Однако доказать это невозможно, поэтому гипотезу В. И. Абаева мы можем рассматривать только как чисто теоретическое предположение, которое пока ни к чему

⁴³⁴ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы, стр. 51.

нас не обязывает. Впрочем, сама идея о субстратной подкладке *γ* не может быть отброшена.

Итак, время происхождения *γ* остаётся неизвестным. Если учитывать, что *g*, прежде чем измениться в *γ*, прошёл через ступени постепенного ослабления затвора и что компактное географическое распространение *γ* (*h*) вряд ли является игрою случая, то можно утверждать, что начало интересующего нас процесса относится к более раннему времени, чем XI—XII вв.

Поиски отражения фрикативного *γ* в древнерусской письменности крайне затруднительны ввиду того, что буква *z* с одинаковым успехом могла изображать *g* и *γ*. Замечено, что малограмотные лица, в речи которых *γ* является нормой, никогда не смешивают буквы *z* и *x* не в позиции оглушения, появившейся после падения редуцированных. Только с приближением *γ* к *h* такие ошибки становятся возможными. Отмечено также, что противопоставление взрывному *g* невзрывного согласного начинается только на стадии *h*: в говорах, имеющих *γ*, произношение *g* исключено (так обстоит дело в южновеликорусских говорах), тогда как в диалектах с *h* заимствованные слова могут произноситься со взрывным *g*, который сосуществует с *h* как особый, не смешивающийся с ним согласный. Все же следы невзрывного согласного (*γ* или *h*?) в древнерусской письменности имеются.

Прежде всего отметим написания *x* вместо *z*. Древнейший, но спорный случай имеется у К. Багрянородного (949 г.): Ὀστρωβουρί πραχ, где *πραχ* = *прагъ* (= *порогъ*). Как известно, об этом слове в течение длительного времени идут безуспешные споры, породившие большую литературу. Одни исследователи толкуют *πραχ* в значении ‘порог’, другие считают, что *πραχ* = *прахъ* ‘пыль’ (от падения воды в пороге). Всё же по смыслу здесь, скорее, ‘порог’. А. И. Толкачёв, соглашаясь с толкованием этого слова в значении ‘порог’, считает, что *χ* здесь отражает греческую, а не славянскую фонетику (также и в слове βουλήν πραχ), поэтому никак не может быть доказательством произношения *γ* в древнерусском языке X в.⁴³⁵ Такое предположение, конечно, исключать нельзя, хотя и доказать его невозможно. Одиночный пример вообще ничего не может решать в подобных вопросах. Но вот в памятниках XI в. встречаются написания не совсем одиночные: неоднократно *ходъ* вместо *годъ* (Изборник 1073 и 1076 гг., Слова Григория Богослова XI в. и др.), *кънихъчи* (Изборник 1073 г.), *хрѣха* (Слова Григория Богослова XI в.), гиперизм *укругъ* вместо *укрухъ* (Изборник 1073 г.) и др. Конечно, такие примеры проще всего было бы отнести к категории описок и в дальнейшем игнорировать их, как это делают многие исследо-

⁴³⁵ А. И. Толкачёв. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio». (В связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему). В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, стр. 48 и след.

ватели. Однако непонятно, почему такие «описки» встречаются только в южных памятниках и отсутствуют в северной письменности, почему написания *x* вместо *z* имеются и в поздних памятниках (опять-таки на юге!): *мохила*, *хроши*, *хородникъ*, *Хринкова* и т. д. (молдавские грамоты XIV—XV вв.).⁴³⁶ Все эти примеры *x* вместо *z* становятся понятными, если предположить, что в южной письменности намечалась тенденция обозначить буквой *x* фрикативный *ɣ* или фарингальный *h*. В свете этих фактов и прах К. Багрянородного выглядит уже не одиночным примером.

Далее внимание исследователей привлекают пропуски буквы *z* и в некоторых случаях замены её буквой *v*. Эти орфографические явления отражают произношение *ɣ* или *h*, а также выпадение этих согласных и частичную их замену билабиальным *w*. Самый ранний случай — *осподар*_А (надпись на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича 1151 г.). Позже появляются написания *осподарь* (Галицкое евангелие 1266—1301 гг.), *осподинъ*, *оспода* и т. д. (в той же лексеме). Ср. в современных украинских говорах *орох* ‘горох’ и др. Написания *оспод-* позже появляются и на севере, как предполагается, в результате влияния юга. Любопытно, что различие в произношении *оспод-* и *господ-* осознаётся: в Новгородской летописи под 1476 г., по А. Н. Пыпину, имеется такой текст: «Тои же зимы нѣкоторыи философовѣ начаша пѣти: о *господи* помилуи, а друзѣи: *осподи* помилуи».⁴³⁷ Р. И. Аванесов, отмечая в новгородских берестяных грамотах XV в. к *осподину*, *осподине*, *осподинь*, считает, что слова с корнем *господ-* часто употреблялись в роли обращения, поэтому в них *g* изменилось в *ɣ*, которое затем выпало. Следовательно, это единичное явление и к югу никакого отношения не имеет.⁴³⁸ Так это или нет, во всяком случае северные примеры с *оспод-* не компрометируют южных написаний. К. В. Горшкова допускает, что изменение *g* в *ɣ* было характерно «для части говоров новгородского диалекта» до падения редуцированных.⁴³⁹ Отметим, что в современных северновеликорусских говорах зафиксированы: *восподѣн*, *восподѣ*, *восподѣстый* ‘такой, как господин’, *восподѣский*, *восподѣ*, *восподѣ*, *восподѣ*, *восподѣ*, *восподѣ*, *восподѣ*, *восподѣ*, *восподѣ*.⁴⁴⁰ Нормой в этих говорах является взрывной *g*.

⁴³⁶ Ф. П. Медведев. Нариси з української історичної граматики. Харків, 1964, стр. 61.

⁴³⁷ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 109.

⁴³⁸ Р. И. Аванесов. Фонетика. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 98—99.

⁴³⁹ К. В. Горшкова. Из истории консонантных диалектных различий русского языка. Научн. докл. высшей школы. Филол. науки, 1964, № 4, стр. 17.

⁴⁴⁰ Словарь русских народных говоров, вып. 5. Л., 1970, стр. 142.

В особом положении находится выпадение *g* перед *n*, на котором мы остановимся в своём месте специально. Поскольку это явление заходит, и не в единичных примерах, далеко за пределы зоны распространения γ (*h*) (ср. сев.-двин. *напрынут* = напрыгнут ‘напрыгают’ и т. п.), мы пока отводим выпадение *g* перед *n* как показатель γ или *h*.

О выпадении *g*, как свидетеле γ (*h*), имеются некоторые косвенные данные. Один из спорных примеров представлен в знаменитой подписи французской королевы Анны, дочери великого киевского князя Ярослава. Как известно, эта подпись русской по происхождению королевы породила большую литературу. Если эта подпись (*Ана Ръина*) сделана на латинском языке (кирилловскими буквами), то можно предполагать, что *Ана* написано вместо *Agna*, а *ръина*—вместо *regina*. В таком случае вместо *g* в речи Анны звучал γ или *h* или согласный в этом положении не произносился.⁴⁴¹ Любопытно наличие двоякого написания р. Друти и города на ней в Полоцкой земле *Дръють*, *Дръютскъ* (Троицкая летопись) и *Дръгьютескъ* (Хлебниковский и Погодинский списки Ипатьевской летописи). Современное *Друть* — из *Дрють* < *Дръгють* < **Дръгутъ* (**Дръгутъ*). Если верно предположение О. Н. Трубачёва, высказывавшееся и многими его предшественниками, что первичной формой названия древнерусского племени уличи было *уличи*,⁴⁴² то мы имеет в *уличи* один из древних примеров выпадения γ . Возможно, что к интересующему нас явлению относятся чешск. и словацк. *javor*, в.-луж. *jawor*, укр. *явір*, белор. *явар* < др.-в.-нем. *ahorn*. Наконец, в Галицких грамотах XIV—XV вв., написанных латинскими буквами, вместо *g* употребляется *h*: *auhust*, *joho*, *hlobokiego* и др. Примерно в то же время появляется передача буквами *кг*, *к*, *гк* взрывного *g* в заимствованных словах: *Скиркгаило*, *буркгимистры*, *рокгозеньский*, *Жыкгмонт*, *Швитрикайло* (украинские и молдавские грамоты XIV—XV вв.), *кгдроитские*, *Жикгмонт*, *Туркгенево* село и т. д. (белорусские памятники XIV—XV вв.). Для обозначения взрывного *g* с XVI в. появляется даже особая буква *г*. По наблюдениям Е. Ф. Карского, в тех иностранных словах, в которых произносилось *h*, употреблялась буква *г* (*гэтманъ* < польск. *hetman*, *тгрени* < чешск. *threni*), а в заимствованных словах с взрывным *g* были нередки вышеуказанные *кг*, *гк* или *к*.⁴⁴³ На основании этих и некоторых других данных М. М. Пещак считает, что в украинском языке переход γ

⁴⁴¹ П. Я. Черных. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны. Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ, вып. 3. М., 1947, стр. 30; см. также: Elsa Melin. Die kyrillosche Unterschrift Ана Ръина aus dem Jahre 1063. Scando-Slavica, XI. Copenhagen, 1965, стр. 122—131.

⁴⁴² О. Н. Трубачёв. О племенном названии «уличи». Вопр. слав. языкозн., вып. 5. М., 1961, стр. 186—190.

⁴⁴³ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 1, стр. 369—370.

в *h* произошёл в XIII—XIV вв.⁴⁴⁴ По-видимому, противопоставление функционально ограниченного взрывного *g* не взрывному согласному является одним из показателей изменения *γ* в *h*. По крайней мере это относится к украинскому языку; в белорусском языке имеется противопоставление *γ* и функционально ограниченного *g*, чего нет в южновеликорусском наречии. В некоторых современных украинских говорах наблюдается сосуществование *γ*, *h* и *g*. Таково, например, положение в западнобрянских говорах, расположенных на стыке русского, украинского и белорусского языков. По наблюдениям А. Б. Пеньковского, взрывной *g* обнаруживается в западнобрянских говорах не только в узком кругу иноязычной лексики (*гáнки* ‘ступеньки крыльца’, ‘крыльцо’, *гáрка* ‘кружка’, *гúзик* ‘пуговица’, *гúля* ‘прыщ’, *дзы́га* ‘юла’), но и в словах звукоподражательного происхождения (*гáвкать*, *гéгать* и др.), а также перед сонорными в разных словах (*глей* ‘ил’, ‘глина’, *грунт* и др.).⁴⁴⁵ Нечто противоположное имеется в северновеликорусских говорах, где в звукоподражательных и иных словах используется *γ* при взрывном *g* как норме. В западнобрянских говорах отмечается также *h*, который быстро вытесняется господствующим *γ*.⁴⁴⁶

Как мы видели выше, следы произношения *γ* на юге проявляются в древнерусской письменности с самого начала её возникновения. Отдельные случаи этого проявления спорны, но, взятые в совокупности, они приобретают некоторую доказательную силу. Компактность ареала *γ* (*h*) на восточнославянской почве также указывает на древность изменения *g* в *h*. Нет решительно никаких доказательств, которые могли бы свидетельствовать о позднем распространении *γ* из какого-либо ограниченного района. В белорусской письменности *γ* достаточно ясно отражается с XIV в. (более ранних письменных памятников с белорусской территории до нас не дошло). Впрочем, вполне возможно, если учитывать древнюю северную основу смоленско-полоцких диалектов, что в смоленско-полоцкой области *γ* распространяется относительно поздно. В южновеликорусской письменности *γ* ярко отразился (многочисленные случаи его оглушения в *x* и пропуски) с самого начала существования дошедших до нас южновеликорусских письменных памятников (с XVI в.).⁴⁴⁷ Что касается отражения в письменности северного взрывного *g*, то оно достаточно хорошо представлено со времени падения редуцированных, после которого *g* в известных

⁴⁴⁴ М. М. Пещак. История заднеязычных согласных и их общеславянских рефлексов в украинском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1960, стр. 4.

⁴⁴⁵ А. Б. Пеньковский. Фонетика говоров западной Белоруссии. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 24—25.

⁴⁴⁶ Там же, стр. 26.

⁴⁴⁷ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 120—123.

позициях стал оглушаться в к. Ср., например, написание *Грикши* вместо *Григши* (от *Григорий*) в новгородской берестяной грамоте № 3 XIV в. Иноязычное *h* в северных диалектах передавалось через *g*. Ср. *Гугморо* < финск. *Huhmar* (новгородская берестяная грамота № 2, XIV—XV вв.) и др.

Итак, с нашей точки зрения правы те исследователи, которые считают, что восточнославянская языковая область очень рано по произношению общеславянского *g* разделилась на две большие диалектные зоны: южную и северную. Когда это произошло, мы не знаем. Если учитывать, что утрата затвора во взрывном *g* происходила не сразу, а постепенно, то можно сказать, что начало этого явления имело место ещё в общеславянскую эпоху. Взрывной сохранился у восточных славян в диалектах словен и кривичей, а в остальных племенных диалектах он изменился в *γ*.